ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

УДК 929

М.Б. Буланова
Москва

НИКОЛАЙ ГИММЕР И ПИТИРИМ СОРОКИН: ИЗУЧЕНИЕ ЖИЗНИ КРЕСТЬЯН РУССКОГО СЕВЕРА*

Цитирование: Буланова М.Б. Николай Гиммер и Питирим Сорокин: изучение жизни крестьян Русского Севера // Наследие. 2020, № 2(17). – С.121–132.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2020.2.8>

Citation: Bulanova M.B. *Nikolaj Gimmer i Pitirim Sorokin: izuchenie zhizni krest'yan Russkogo Severa* [Nikolay Himmer and Pitirim Sorokin: studying life peasants of the Russian North] // *Nasledie* [Heritage]. 2020, No. 2 (17). – pp.121–132.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2020.2.8>

Автором представленной публикации планируется написание двух статей, посвященных диалогу, развернутому в 1911 г. на страницах научного журнала «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера» молодыми исследователями жизни крестьян Северного края – социологом Питиримом Александровичем Сорокиным и экономистом Николаем Николаевичем Гиммером. В основу первой публикации, кроме важных событий биографии

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01168 А. «Российская социология на изломе эпох (1917–1937): от социологического анализа социальных проблем периода Русской революции 1917 года к сохранению российских исследовательских академических традиций в Европе и Америке».

Н.Н. Гиммера, положена серия его статей под общим названием «Крестьянский бюджет на Севере», в которых он опирался на сведения, собранные в результате сплошного подворного исследования нескольких уездов Вологодской губернии, проведенного Вологодским земско-статистическим бюро. Тем самым в научный оборот вводятся данные, проливающие свет на реальное положение дел в крестьянском северном хозяйстве первой четверти XX в.
 Ключевые слова: Николай Гиммер, Питирим Сорокин, крестьянское хозяйство, зыряне, Русский Север.

Bulanova M.B. Nikolay Himmer and Pitirim Sorokin: studying life peasants of the Russian North

The author of the presented publication is planning to write two articles on the dialogue launched in 1911 on the pages of the scientific journal «News of the Arkhangelsk Society for the Study of the Russian North» young researchers of the life of the peasants of the Northern Territory - the sociologist Pitirim Aleksandrovich Sorokin and the economist Nikolai Nikolaevich Himmer. In addition to important events in the biography of N.N. Himmer, there was published a series of his articles under the general title «Peasant budget in the North», in which he relied on information collected as the result of a continuous study of several districts of the Vologda province, carried out from zemstvo-statistical bureau of Vologda. Thus, in the scientific turnover were introduced data that shed light on the real situation in the northern peasant economy in the first quarter of the XXth century.

Key words: Nikolai Himmer, Pitirim Sorokin, peasant farm, Zyryans, Russian North.

Особая притягательная сила личности Питирима Сорокина проявлялась в том, что он всегда стремился окружить себя людьми творчески увлеченными, преданными науке, равнодушными к судьбам простых людей и заботившимися о будущем России. К таким людям относился и Николай Николаевич Гиммер.

Николай Николаевич Гиммер родился 27 ноября (9 декабря) 1882 г. в г. Москве. В 1901 г. он окончил 1-ю Московскую гимназию с серебряной медалью, особенный интерес проявив к предметам естественного цикла. По воспоминаниям учившегося там же М. Вишняка*, «в гимназии он держался всегда в стороне, как бы стараясь быть незаметным. Невзрачный и сутулый, он обращал на себя внимание умным лицом с не сходящей с него ядовито-иронической улыбкой и такой же речью. Учился он отлично» [Вишняк, 1954, с.41].

Узнав об открытии в Париже Высшей школы общественных наук (вольного университета, учрежденного М.М. Ковалевским и Е.В. де Роберти), Гиммер в 1902 г. отправился во Францию и стал студентом учреждения, которое передовая интеллигенция считала настоящим «Русским университетом», а царские власти называли «семинаром по революции». В Школе были учреждены кафедры

Н.Н. Гиммер
(псевд. Суханов;
1882–1940 гг.)

* Вишняк Марк Вениаминович, псевд. Марков (1883, Москва – 1976, Нью-Йорк) – российский юрист, публицист, член партии социалистов-революционеров с 1905 г., известный деятель русского зарубежья. Соратник Н. Гиммера (Суханова) по партии с 1905 по 1909 г.

«по истории экономического и социального строя, литературного и умственного движения в России» [Ковалевский, 1997, с.441]. В учебный план входил широкий круг дисциплин: история, археология, география, этнография, статистика, экономика, мораль, политика, художественное творчество различных видов – от литературы и музыки до живописи и пластики. В числе лекторов были как известные российские и французские ученые, представлявшие различные области научных знаний (Л.И. Мечников, М.М. Ковалевский, Ю.С. Гамбаров, Е.В. де Роберти, Н.И. Кареев, А.А. Исаев, И.В. Лучицкий, Г. Тард, Р. Вормс, А. Эспинас), так и видные деятели революционного движения (Ю.О. Мартов, Л.Д. Троцкий, В.М. Чернов). В силу уже сложившегося интереса Н.Н. Гиммера к экономической науке с особым интересом он прослушал 10–13 февраля 1903 г. цикл лекций по аграрному вопросу В.И. Ульянова (Ленина). Можно предположить, что тогда же стали оформляться и его социально-политические позиции.

Вернувшись в Россию, Н.Н. Гиммер решил получить высшее образование. Осенью 1903 г. он стал студентом историко-филологического факультета Московского университета, но проучился всего год, т.к. в этот период вступил в партию эсеров, сочетая учебу и политику. Есть основания предполагать, что именно тогда он и взял псевдоним – Суханов. Сопратник по партии М. Марков (наст. Вишняк) отмечал, что на заседаниях «спорить с ним было трудно: он был въедлив, как аналитик, и неугомонен, как диалектик. Суханов был лично связан с членами, так называемой, московской оппозиции в партии с.-р., из которой вскоре выделились, так называемые, “максималисты”» [Вишняк, 1954, с.133]. За участие в политической деятельности в мае 1904 г. Н.Н. Гиммер был арестован, осужден и приговорен к полутора годам отбывания наказания в Таганской тюрьме. В заключении продолжал заниматься научной деятельностью, разрабатывая отдельные положения аграрной программы эсеров.

Освобождение пришло вместе с началом первой русской революции 1905–1907 гг. 18 октября 1905 г. Гиммер вместе с другими политзаключенными был освобожден и сразу включился в революционную деятельность – был участником декабрьского восстания в Москве. По воспоминаниям сопратника по партии М. Маркова, «уже тогда Суханов был много радикальнее всех нас. Немного времени прошло, и он формально порвал с партией с.-р., перейдя в марксистскую веру» [Вишняк, 1954, с.133]. Действительно, в 1906–1907 гг. он формально вышел из партии эсеров, т.к. вынужден был скрываться от ареста за границей, в Швейцарии. Но душа его болела о России: вскоре он вернулся и занялся научно-публицистической деятельностью, сотрудничая с журналом «Русское богатство». Продолжая заниматься аграрным вопросом, выпустил несколько работ, в которых, объединяя позиции народников и марксистов, размышлял об устойчивости крестьянского хозяйства и сокращении земледельческих наемных работников. За эту весьма своеобразную позицию его стали называть «марксистообразным народником».

В 1909 г., стремясь восполнить пробелы в знаниях и получить высшее образование, Н.Н. Гиммер снова поступил в Московский университет, теперь на экономическое отделение юридического факультета, и вновь только на один учебный год: эсеровское прошлое дало о себе знать – в конце 1910 г. он на три года был выслан в Архангельскую губернию.

Прибыв в Архангельск, Н.Н. Гиммер погрузился в научную работу, начав сотрудничать с местным журналом «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера», где в 1911 г. в №№ 12, 14, 16, 18, 19 выпустил серию статей под общим названием «Крестьянский бюджет на Севере». Необходимо подчеркнуть тот факт, что статьи в журнале подписаны настоящей фамилией автора – Гиммер, видимо, псевдоним Суханов в то время он использовал исключительно для политической деятельности.

Журнал «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера», в то время являвшийся первым научным изданием Архангельской губернии, начал издаваться с 1909 г. и был двухнедельным (выходил раз в две недели). До реформы русской орфографии в 1918 г. тексты представлялись авторами и издавались в старославянской версии. Согласно утвержденной программе в журнале предполагалось размещать не только официальную информацию о законодательных актах государственных и общественных организаций, имевших отношение к Северу, не только текущую информацию о деятельности Архангельского общества изучения Русского Севера, но и отдельные заметки, посвященные насущным проблемам жизни Северного края. Авторы сотрудничали с журналом на безвозмездной основе. Тематика предлагаемых по инициативе самих авторов статей была самой разной – от исторических и экономических материалов до путевых заметок. Начиная с 1910 г., в номерах «Известий» стал печататься подробный «Библиографический указатель литературы по Северу».

Свое исследование «Крестьянский бюджет на Севере» Н.Н. Гиммер начинает с распространенного стереотипа, что условия Севера, сравнительно неблагоприятные для развития земледелия, казалось бы, должны порождать, наряду с более низкой производительностью земледельческого труда, и более низкий уровень северной деревни: сравнительную ее отсталость, первобытность социально-экономических отношений, более низ-

Титульный лист журнала «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера», 1911 г.

кую производительность труда, не позволяющую земледельцу выносить на рынок сельскохозяйственные продукты в заметном количестве – особенно при слабом развитии продуктивного скотоводства. «Неспособный стать продавцом земледельческого продукта, северный крестьянин, казалось бы, гораздо менее способен и стать покупателем иных продуктов; натуральный строй северно-крестьянского хозяйства, по-видимому, должен стоять гораздо крепче, чем на юге; отсталые хозяйственные формы должны бы здесь, по-видимому, оказаться более живучими; этому должно бы способствовать так называемое “освобождение зимнего времени”, краткость периода земледельческих работ» [Гиммер, 1911а, с.1015–1016].

Но действительность, однако, совершенно не оправдывает этих ожиданий. Сравнительная неприспособленность Севера для сельского хозяйства обернулась своеобразным преимуществом: «Будучи не в состоянии продавать продукты своего земледелия, будучи не в состоянии даже прокормиться ими, северный крестьянин еще задолго до наступления капиталистической эры был вынужден выносить на рынок или свою *рабочую силу*, или продукты собственной – кустарной – *индустрии*. Силою вещей северный крестьянин уже несколько столетий назад был принужден искать средств к существованию и сфер приложения труда в области обмена и обрабатывающей промышленности. Окружающие условия издавна толкали его ко всякого рода *промыслам*» [Гиммер, 1911а, с.1016]. Отсюда для северной деревни характерны более развитые (по сравнению с югом) хозяйственные формы, т.к. более развитые социально-экономические отношения свойственны промысловым областям, связанным со свободным рынком.

Кроме того, Гиммер отмечает и исторические факторы, в силу которых экономика крестьянского населения достигла большего развития на Севере, чем на юге: «Север европейской России – это исконно русская территория, на которой развивалось московское государство. Оседлая земледельческо-промысловая жизнь северного крестьянства насчитывается уже много столетий» [Гиммер, 1911а, с.1016]. Общий вывод исследователя: экономический уровень, степень благосостояния крестьянской массы в общем выше на Севере, чем на юге.

Гиммера также интересуют процессы, происходящие внутри крестьянского хозяйства на Севере. Он отмечает относительно слабое расслоение крестьянства, однородное по целям и типам земледелия, преимущественно мелкое по размерам хозяйство, преследующее потребительские цели. Однако исследователь подчеркивает, что по роду занятий, по профессиям, по сферам приложения труда крестьянское население сильно дифференцировано: «В этой дифференциации проявляется высокая степень общественного разделения труда внутри крестьянства; а профессиональное разделение труда свидетельствует о сложности внутри – крестьянских отношений, и о сравнительном высоком экономическом развитии северной деревни. Иллюстрацией этому может служить хотя бы то, что, например, при подворной переписи Вельского уезда (северного уезда Вологодской губернии, пограничного с Архангельской губернией), произведенной земско-статистическим бюро в 1900 г., было насчитано 135 видов крестьянских промыслов; в Тотемском уезде их было 161; а в Вологодском – 162» [Гиммер, 1911а, с.1017].

Однако при этом сельское хозяйство не теряет своего огромного значения: за исключением немногих районов Крайнего Севера, сельское хозяйство остается бази-

сом крестьянской экономики: «в том же Вельском уезде беспосевного крестьянского населения насчитывается всего 3,8%» [Гиммер, 1911а, с.1017]. Но по сравнению с югом, где крестьянское земледелие представляет собой хозяйственное предприятие кустарного или капиталистического типа, на Севере «земледелец не продает, а покупает хлеб; домохозяин с посевом в 6 десятин считается здесь крупным помещиком... земледелие превращается зачастую просто в *отрасль домохозяйства*... И роль земледелия здесь тем скромнее, чем большая возможность открыта для крестьянского двора поместить свою рабочую силу в промыслы. Чем больше эта возможность, тем больше склонен северный крестьянин покупать хлеб за деньги и сокращать свое земледельческое хозяйство...а также отказываться от его оснащения нормальным комплектом сельскохозяйственного инвентаря. Это значит, что в северо-промысловых местностях получает огромное распространение обработка земли наемным трудом и наемным инвентарем» [Гиммер, 1911а, с.1018]. Складывается интересная ситуация: крестьянский двор отпускает собственных работников на отхожие промыслы (на ближайший завод) или занимает их круглый год ремеслом, а для обработки земли нанимает поденных или сдельных рабочих. Причем в роли эксплуатируемого выступает скорее работодатель, т.к. к найму прибегают тем больше, чем слабее хозяйство. Поэтому на Севере слабое земледелие крестьянского двора может прекрасно уживаться с общей экономической силой, приобретенной за счет промыслов.

В серии последующих статей автор проиллюстрировал эти общие процессы, рассмотрев размеры и состав крестьянского бюджета, т.к. полагал, что «размеры бюджета в достаточной мере обрисуют степень благосостояния крестьянской массы, а в составе бюджета отражается и весь строй крестьянского хозяйства, степень его денатурализации, характер распределения его рабочих сил между различными отраслями и его социальная структура» [Гиммер, 1911а, с.1019].

Для изучения крестьянского бюджета на Севере Н.Н. Гиммер опирался на сведения, полученные в результате сплошного подворного исследования нескольких уездов Вологодской губернии, проведенного Вологодским земско-статистическим бюро. В основном он использовал данные по Вельскому уезду, насчитывавшему 26 тыс. крестьянских хозяйств, т.к. аграрно-экономические отношения в нем более или менее типичны для всего огромного европейского Севера.

Начал он с рассмотрения *доходного* бюджета крестьянских хозяйств Севера. Постепенно превращаясь, как он сам утверждал, в «убежденного марксиста», Гиммер писал: «Абсолютные размеры крестьянских доходов у нас, конечно, совершенно ничтожны во всех концах нашего отечества. В Вельском уезде Володской губернии текущих годовых доходов приходится в среднем *440 руб. 02 коп.* В эту сумму входят и денежные доходы, и натуральные. Чтобы вполне уяснить себе ничтожность этой суммы, надо иметь в виду, что перед нами доход не пролетария, не наемного рабочего, который все свои поступления может расходовать на удовлетворение своих личных потребностей; мы имеем дело в данном случае с *валовым доходом хозяина-предпринимателя*; названная ничтожная сумма включает в себя не только заработную плату и чистую прибыль крестьянской семьи, но и возмещение затраченного капитала: из этой суммы 44,1% расходуется на *хозяйственные* потребности; на личные же нужды крестьянской семьи остается 245,75 руб. в год денежных и натуральных

доходов. На душу крестьянского населения, на едока в Вельском уезде приходится 70,90 руб. текущих годовых доходов, а за вычетом хозяйственных расходов – 39,6 руб.» [Гиммер, 1911б, с.82]. Если в Воронежском уезде доход на едока еще меньше – 57,8 руб. текущих годовых расходов, то разница в доходах российских крестьян по сравнению с другими странами еще более ощутима: в Германии – 112,06 руб., во Франции – 156, 24 руб., а у фермера из штата Луизиана – 287,32 руб. [Гиммер, 1911б, с.82].

Н.Н. Гиммер обращает внимание и на степень денатурализации крестьянского хозяйства (в конечном счете определяющую его тип). По его мнению, это позволяет выявить эволюцию крестьянского хозяйства в рамках товарно-капиталистических отношений. Так, натуральная часть северно-крестьянского бюджета на три части состоит из продуктов земледелия, луговодства и лесоводства, а также скотоводства. Однако основным источником денежных поступлений являются промыслы (они доставляют ничтожное количество продуктов для собственного потребления крестьянских хозяйств). Так, в структуре северо-крестьянского бюджета «львиная доля всех денег, проходящих через руки северного крестьянина, добывается им не в сельском хозяйстве, а путем промыслов. За счет промыслов по преимуществу и денатуризовано северное крестьянское хозяйство» [Гиммер, 1911б, с.85]. Отсюда диалектика развития крестьянских хозяйств такова: «центр крестьянской экономики, а вместе с тем и источник денежных поступлений переносится из *скотоводства, через земледелие, в промыслы*» [Гиммер, 1911б, с.85].

Далее Гиммер тщательно детализирует и сводит в таблицы (всего во второй статье приводится 10 различных таблиц) структуру крестьянского бюджета по различным доходным статьям, таким как огородничество, полеводство (в том числе льняное семя, волокно, овес, рожь, картофель, ячмень), луговодство, лесоводство, скотоводство (в том числе продажа скота, масла, кожи, шерсти, овчины, щетины, молока), птицеводство, промыслы. По отношению к интересующему исследователя процессу денатурализации крестьянского хозяйства результаты получились следующими: «Вслед за промыслами наиболее денатуризованной отраслью крестьянского хозяйства является птицеводство (на рынок поступает более четверти его продуктов – яйца). Далее идет скотоводство: около одной пятой всех его продуктов выносятся на рынок, в том числе продается более четверти всего производимого масла и одна пятая всех получаемых кож, овчин, шерсти и щетины. Напротив, 93% *молока* потребляется в собственном хозяйстве. Из продуктов полеводства также 93% производится для собственного потребления: для рынка производится здесь лишь значительная часть льна – более половины льняного семени и более четверти – волокна. Из зерновых продуктов в сколько-нибудь заметной доле продается овес. Все же остальные продукты полеводства потребляются на месте или целиком (горох, солома) или почти целиком (рожь, картофель, ячмень). Продукты огородничества, луговодства и лесоводства также производятся почти исключительно для собственного потребления, личного и хозяйственного» [Гиммер, 1911б, с.89].

Интересно отметить тот факт, что для автора средние цифры показателей доходов крестьянских хозяйств не представляются убедительными: «Средний доход, выведенный из доходов миллионера и нищего, конечно, не выражает никакой реальной величины... северное крестьянское хозяйство далеко не представляет из себя впол-

«Наследие» № 2 (17) (2020)
не однородной массы. Внутри него наблюдаются группы с различными размерами сельскохозяйственного производства ... уже из этого ясно, что и строение бюджета различных групп хозяйств не должно быть одинаково» [Гиммер, 1911б, с.90]. И далее автор анализирует выявленную зависимость в цифрах и фактах.

В третьей статье в центре внимания Н.Н. Гиммера находится *расходный* бюджет крестьянских хозяйств. По мнению автора, расходный бюджет может вскрыть социальную организацию северно-крестьянского хозяйства: «Рассмотрение расходного бюджета покажет нам, в какой степени северно-крестьянское хозяйство опирается на наемный труд и в какой степени к нему применимо понятие о законченном типе *трудового* хозяйственного предприятия» [Гиммер, 1911в, с.313]. Исследователь подчеркивает, что понятие трудового хозяйства применимо, за немногими исключениями, ко всей массе крестьянских хозяйств Русского Севера. По его словам, крестьянский двор-хозяйство здесь вполне соответствует нашему обычному представлению о трудовой семейной кооперации, в отличие от крестьянского хозяйства юга и юго-востока России. Широкое распространение наемного труда здесь имеет особые формы и особые цели: «По форме – обработка земли наемной силой не всегда позволяет отличить хозяина от работника; по целям – она не имеет ничего общего с выжиманием из батрака прибавочного труда как основы предпринимательской прибыли ... ни для какой группы северного крестьянства сельское хозяйство не служит средством для создания нетрудового капиталистического дохода» [Гиммер, 1911в, с.313].

Внимание исследователя сосредоточено на *потреблении* крестьянских хозяйств, статистика которого, как он отмечает, наиболее сложна и наименее разработана. По инициативе Ф.А. Щербины* в земской статистике было установлено деление крестьянских потребностей (а следовательно – и расходов) на две основные категории: личные и хозяйственные: «Об экономическом и культурном уровне населения мы можем судить по развитию *личных* потребностей и степени их удовлетворения; *хозяйственные* потребности и хозяйственные расходы суть не что иное, как оборотный капитал, затрачиваемый в предприятии; личные расходы являются целью, хозяйственные – средством» [Гиммер, 1911в, с.314].

Н.Н. Гиммер детализирует и сводит в таблицы (всего в третьей статье приводится пять различных таблиц) соотношение между личными и хозяйственными расходами в общем расходном бюджете северного крестьянина. Кроме того, он проводит сравнение между тремя типами хозяйств (Вельского уезда, Воронежской губернии и «у киргизов») и приходит к выводу, что разница между ними проявляется более резко в количестве расходов на личные потребности, чем в размерах всего расходного бюджета: «Объясняется это тем, что размеры хозяйственных расходов, размеры оборотного капитала в этих типах хозяйств не одинаковы... В виду этого, на хозяйственные нужды вельский крестьянин затрачивает меньшую долю всех своих расходов, чем воронежский – 41,0%, но абсолютные размеры оборотного капитала

* Щербина Федор Андреевич (13 февраля 1849, станица Новодеревянковская – 28 октября 1936, Прага) – историк, народник, основоположник российской бюджетной политики, член-корреспондент Императорской Академии наук (1904). До 1903 г. возглавлял организованное им Воронежское статистическое бюро. Первым в России произвел широкомасштабные бюджетные исследования крестьянских хозяйств Воронежской губернии. Его труд «Крестьянские бюджеты» (1904) являлся для Н.Н. Гиммера методологической основой анализа потребления крестьян.

у северянина не меньше, а больше, чем у воронежца и составляют у первого 29,5 руб. на душу в год, а у второго 24,3 руб.» [Гиммер, 1911в, с.315].

По отношению к интересующему исследователя процессу вовлечения крестьянского хозяйства в капиталистические отношения он приходит к следующим выводам: «Капиталистической эволюции всех стран свойственно систематическое перетекание рабочих рук из сельского хозяйства в индустрию, а вместе с тем – интенсивный рост промышленного населения за счет земледельческого. При широком развитии индустрии и при открытых путях в нее для крестьянства, население отказывается от земледельческого труда, хотя бы это было связано даже с абсолютным сокращением земледельческого производства» [Гиммер, 1911в, с.316–317]. В развитии данного процесса имеет значение и тот факт, что «промысловый труд, т.е. труд, обыкновенно прилагаемый в индустрии и на транспорте, вообще более производителен сравнительно с трудом сельскохозяйственным... Мы видим, как ничтожны абсолютные размеры заработка северо-крестьянского работника во всех группах: в среднем по Вельскому уезду заработок этот составляет 73,4 руб. в год, тогда как русский фабрично-заводской рабочий зарабатывает (1905 г.) в среднем 206 руб. в год... Следовательно, не только формально (по происхождению), но и фактически (по размерам) доходы северного крестьянина (как и среднего крестьянина любой местности России) мы должны считать ничем иным, как *заработной платой* и при том крайне ничтожной по размерам» [Гиммер, 1911в, с.316–317].

Вместе с тем указанный процесс перетекания рабочей силы в индустрию тормозится на Русском Севере незначительным размером оборотного капитала, т.е. той части всех хозяйственных расходов, которые затрачиваются на наем рабочей силы (1,7%). Однако есть одна тонкость: «Промыслы... требуют уже относительно ничтожных хозяйственных затрат. Но опять-таки мы говорим о затратах реальных... в перечень не попала такая отрасль, как луговодство: реальных затрат она почти не требует, между тем как сенокос есть одна из основных и, так сказать, трудоемких сельскохозяйственных операций; если бы мы имели дело с капиталистическим сельским хозяйством, расходы по луговодству поглотили бы очень большой процент всех хозяйственных расходов» [Гиммер, 1911в, с.319].

В четвертой статье Н.Н. Гиммер уделил более пристальное внимание *личному* потреблению северного крестьянина. Его исчисление тоже вызывает проблемы: «Источником удовлетворения потребностей является остаток от валового бюджета после удовлетворения хозяйственных нужд. Однако, и этот остаток, этот заработок крестьянина – мы все еще не вполне можем приравнять *по его назначению* к заработной плате наемного рабочего... из него следует вычесть *расходы на платежи прямых налогов*. Сумма, остающаяся в итоге у крестьянина в Вельском уезде ... составляет в среднем 39,6 руб. на душу» [Гиммер, 1911г, с.491–492].

Исследователь также детализировал и свел в таблицы (всего в четвертой статье были использованы 4 разные таблицы) структуру распределения этой, как он выразился, ничтожной суммы между отдельными потребностями северного крестьянина. Результат получился следующий: «Немногим меньше 4/5 всех личных расходов северного крестьянина поглощается потребностью в *пище*. Немного более 1/10 всех расходов идет на *одежду*. На возведение и ремонт жилых помещений, на их отопление, освещение, на оборудование их мебелью и утварью – северно-крестьянская

семья – хозяйство расходует в среднем по 17,77 руб. в год. Культурные потребности не удовлетворяются почти совершенно; да они и не могут развиваться при данных размерах бюджета. Выражаются они почти исключительно в расходах на церковь и в благотворительности (подаче нищим)» [Гиммер, 1911г, с.492].

Интересно, что Н.Н. Гиммер подверг критике не только известный закон немецкого ученого Э. Энгеля* (чем беднее семейство, тем большую часть всех расходов оно должно тратить на пищу), но и корректировку данного закона Ф. Щербиной (чем примитивнее в культурном отношении условия, в которых находится семья, тем больше она тратит на пищу). Согласно закономерности, доказанной Гиммером, «когда бюджет превышает известный предел, тогда расходы на пищу относительно сокращаются в результате достаточного насыщения потребности в пище и стремлении семьи удовлетворить второстепенные нужды; когда же бюджет не достигает данного предела, то расходы на пищу также относительно падают, но уже в результате недоедания и необходимости уделить известный минимум средств на удовлетворение прочих первостепенных потребностей. Этим и надо объяснить то обстоятельство, что северянин, более богатый и поставленный в не менее культурные условия, чем воронежец, расходует на пищу значительно большую долю своего бюджета: прочие потребности, помимо пищи, северянин удовлетворяет не хуже воронежца, но питается он лучше среднечерноземного земледельца, который при таком же питании не смог бы приобрести элементарно необходимую одежду» [Гиммер, 1911г, с.495]. Кроме того, считает исследователь, нельзя забывать и о других (бытовых, географических, климатических) особенностях той обстановки, в которую поставлены семьи-хозяйства: «Разница в потреблении вина, разница в составе пищи, а следовательно, и в ее цене – могут точно так же отразиться на относительных размерах сумм, поглощаемых потребностью в пище; все эти местные особенности могут быть совершенно не связаны ни со степенью благосостояния семьи (размерами бюджета), ни со степенью ее культурности; но тем не менее эти особенности должны влиять на колебания доли бюджета, расходуемой на пищу» [Гиммер, 1911г, с.495–496].

По мнению исследователя, у северянина состав пищи более дифференцирован и по типу более приближается к европейскому. Из растительной пищи предпочтение на Севере (как и повсюду в России) отдается ржаному хлебу: он поглощает половину всех расходов на растительную пищу и более четверти всех расходов на пищу северянина. Далее идут ячмень и картофель. Белый хлеб, а также огородные продукты не играют существенной роли в питании северной деревни. Из животной пищи на первом месте стоит молоко, которого северянин потребляет вдвое больше, чем воронежец. Из мяса больше всего потребляется свинины и баранины. По мере приближения к крайнему Северу и Белому морю рыба, конечно, играет все большую роль в питании сельского населения. На приправы, сласти и напитки северный крестьянин расходует примерно 5,58 руб. на душу в год (4,52 фунта сахара и по 0,40 фунта чая). Расходы на пищу в Вельском уезде – на три четверти натуральные и на одну четверть денежные [Гиммер, 1911г, с.497].

Итак, общий вывод автора: расходы на пищу у северного крестьянина деньгами и натурой составляют $\frac{3}{4}$ лично-расходного бюджета и в денежной своей части со-

* Энгель Эрнст (1821, Дрезден – 1896, Радебойль) – немецкий экономист и статистик, автор «закона и кривой Энгеля». Основным предметом исследований Энгеля была структура бюджетов рабочих семей.

ставляют около $\frac{2}{3}$ всех денег, расходуемых на личные потребности. Все остальные категории личных расходов имеют несравненно меньшее значение. Потребность в одежде поглощает всего 11,7% лично-расходного бюджета. Еще меньшую роль играют расходы на жилище, отопление, освещение, домашнюю обстановку и утварь. Расходы эти более, чем на 60%, натуральные. Еще более ничтожны расходы на культурно-религиозные потребности (расходы на церковь и подачу нищим – около 4,5 руб. в год с каждого двора). Далее идут расходы на семейные праздники (свадьбы, крестины – около 50 к. в год на семью). И, наконец, покупка книг, газет, икон, обучение детей (!) поглощают у северно-крестьянской семьи около 10 коп. в год [Гиммер, 1911г, с.498–499].

Наконец, в пятой статье Н.Н. Гиммер приводит краткие сведения о бюджетном *имуществе* северного крестьянина. В нем, как показывает исследователь, «проявляется и личный достаток северно-крестьянской семьи, и экономическая сила организованного ею хозяйства... одна его часть предназначена для личного потребления семьи или для ее домохозяйства ... Другая часть имущества предназначена для хозяйственных нужд» [Гиммер, 1911д, с.565]. В структуре хозяйственного имущества главное место, согласно закону от 10 июля 1910 г., занимает *земля* (до этого она была неотчуждаема и поэтому не имела рыночной цены). Если не учитывать землю, основным видом хозяйственного имущества является скот (42% ценности всего основного капитала северянина). Второе место занимают всякого рода *хозяйственные постройки*. Третий вид – движимый мертвый инвентарь (*сельскохозяйственные орудия*). Без учета стоимости земли весь основной сельскохозяйственный капитал крестьянина Вельского уезда равен в среднем 330 руб. Личное имущество составляет наименьшую долю всего имущества: наибольшая ценность заключается в одежде (которая вместе с постельными принадлежностями в средней сельской семье составляет 215 руб.), потом по значимости идут жилые постройки (их ценность на Севере почти в полтора раза выше, чем в Воронежской губернии). Остальные предметы личного потребления уже незначительны (посуда – особенно самовар, предметы комфорта – часы, картины, мебель, последнее и едва заметное место занимают газеты и книги) [Гиммер, 1911д, с.566–568].

Отдельная часть пятой статьи посвящена исследованию четырех волостей Печорского уезда. Н.Н. Гиммер отмечает, что Печорский край Архангельской губернии охватывает огромную территорию – 250 тыс. кв. верст или 30 мил. десятин. Население – приблизительно 45 тыс. человек: 62,8% – зыряне, 29,2% – русские и 8,0% – самоеды. Здесь исследовательские интересы Гиммера пересекаются с материалами, которые в журнале «Известия общества изучения Русского Севера» размещает молодой социолог П.А. Сорокин. Так, за 1911 г. в № 1 и № 5 публикуются две части исследования Сорокина «Об эволюции семьи и брака у зырян», а в №№ 18, 22, 23, 24 печатается серия его статей под общим названием «Современные зыряне».

Таким образом, Н.Н. Гиммер и П.А. Сорокин, с разных сторон изучая жизнь крестьян Русского Севера, встречаются на страницах журнала «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера» в исследованиях такого народа, как зыряне. Об этом подробнее речь пойдет в следующей статье.

Литература

- Вишняк М. Дань прошлому. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954.
- Гиммер Н.Н. Крестьянский бюджет на Севере (статья 1) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911а, № 12, 15 июня. – С.1016–1022.
- Гиммер Н.Н. Крестьянский бюджет на Севере (статья 2) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911б, № 14, 15 июля. – С.82–95.
- Гиммер Н.Н. Крестьянский бюджет на Севере (статья 3) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911в, № 16, 15 августа. – С.313–320.
- Гиммер Н.Н. Крестьянский бюджет на Севере (статья 3) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911г, № 18, 15 сентября. – С.491–499.
- Гиммер Н.Н. Крестьянский бюджет на Севере (статья 3) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911д, № 19, 1 октября. – С.565–577.
- Ковалевский М.М. Задачи русской высшей школы общественных наук // Социология в России XIX – начала XX в. (вып.1). М., 1997. – С.438–441.

References

- Vishnyak M.V. *Dan' proshlomu* [A tribute to the past]. New York: Izd-vo im. Chekhova, 1954. – 409 p.
- Himmer N.N. *Krest'yanskiy byudzhel na Severe (stat'ya 1)* [Peasant budget in the North] // *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa* [Bulletin of the Arkhangelsk Society of Russian North Studies], 1911a, No 12 (15 June). – pp.1016–1022.
- Himmer N.N. *Krest'yanskiy byudzhel na Severe (stat'ya 2)* [Peasant budget in the North] // *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa* [Bulletin of the Arkhangelsk Society of Russian North Studies], 1911b, No 14 (15 July). – pp.82–95.
- Himmer N.N. *Krest'yanskiy byudzhel na Severe (stat'ya 3)* [Peasant budget in the North] // *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa* [Bulletin of the Arkhangelsk Society of Russian North Studies], 1911v, No 16 (15 August). – pp.313–320.
- Himmer N.N. *Krest'yanskiy byudzhel na Severe (stat'ya 4)* [Peasant budget in the North] // *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa* [Bulletin of the Arkhangelsk Society of Russian North Studies], 1911g, No 18 (15 September). – pp.491–499.
- Himmer N.N. *Krest'yanskiy byudzhel na Severe (stat'ya 5)* [Peasant budget in the North] // *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa* [Bulletin of the Arkhangelsk Society of Russian North Studies], 1911, No 19 (1 October). – pp.565–577.
- Kovalevsky M.M. *Zadachi russkoy vysshey shkoly obshchestvennykh nauk* [Tasks of the Russian higher school of social sciences] // *Sotsiologiya v Rossii XIX – nachala XX v.* [Sociology in Russia in the XIX – early XX centuries.], 1997, No 1. Moscow. – pp.438–441.